

«Поговорить бы хоть теперь, Марина!»

(к 130-летию
М. Цветаевой)

(26 сентября [8 октября] 1892 – 31 августа 1941)

Марина Ивановна Цветаева – русский поэт удивительного периода в истории русской культуры – Серебряного века.

Это было время бунта против устоявшегося порядка, время, когда «племя оборотов», воспитанных на Гомере и Пушкине, отстригая или наоборот, отращивая волосы, отчаянно искало свой творческий путь.

Среди них была и Цветаева. Как говорил про нее писатель Илья Эренбург «Марина совмещала в себе старомодную учтивость и бунтарство, высокомерность и застенчивость, книжный романтизм и душевную простоту».

Лучше всего о Марине Цветаевой, о ее времени и жизни расскажет она сама, ее стихи, ее прижизненные портреты. А так же воспоминания и стихи ее современников, родных и близких.

*Красною кистью
Рябина зажглась.
Падали листья,
Я родилась.*

*Спорили сотни
Колоколов.
День был субботний:
Иоанн Богослов.*

Марина Цветаева родилась в семье людей культуры и искусства. Ее отец – Иван Цветаев был доктором римской словесности, историком искусства, почетным членом нескольких университетов и научных обществ, директором Румянцевского музея, основателем Музея изящных искусств (ныне – Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина). Ее мать – Мария Мейн, была талантливой пианисткой и стремилась развить музыкальные таланты своих дочерей. Удивительная музыкальность стихов Цветаевой – всегда живое свидетельство того, что Марии это удалось.

Марина родилась 8 октября 1892 года, однако праздновала всегда 9 октября, связывая свое рождение с днем поминовения Иоанна Богослова, и описала его в стихотворении 1916 года так:

Марина или Муся росла вместе с младшей сестрой Анастасией (Асей). Были в их отношениях и разлады, и соперничество, но до конца жизни они были очень важны друг для друга.

Вот фрагмент из воспоминаний Аси о выступлении Марины:

«Когда я увидела ее на эстраде... когда я услышала ее игру и всеобщую похвалу ей – сердце раскрылось такой нежностью к старшей подруге игр, так часто кончавшихся дракой, — что я иначе не могу назвать мое чувство в тот вечер, как состоянием влюбленности. Я никого, кроме нее, не видела. Я не сводила с нее глаз».

Ещё в шестилетнем возрасте Цветаева начала писать стихи, причём не только на русском, но и на французском и немецком языках. От отца Цветаевой передалась любовь к античной мифологии, впоследствии отразившаяся в её стихах.

Важнейшим занятием для Марины, помимо музыки и сочинения стихов, было чтение. Анастасия пишет:

«Быт, окружавшие ее люди – все было вдали. Все было только помехой к чтению. Лишь вконец устав, она выходила из своей комнаты, близоруко щурясь на всех и вся, с минуту смотрела, слушала, уж вновь готовая уйти в себя и к себе».

Образование будущей знаменитый поэт начала получать в московских частных женских гимназиях, откуда зачастую бывала исключена за строптивый характер, а позднее училась в пансионах для девочек в Швейцарии и Германии. В 16 лет Марина прослушала курс лекций по старофранцузской литературе в Сорбонне. Про Париж Марина писала так:

В Париже

Дома до звезд, а небо ниже,
Земля в чаду ему близка.
В большом и радостном Париже
Все та же тайная тоска.
Шумны вечерние бульвары,
Последний луч зари угас.
Везде, везде всё пары, пары,
Дрожанье губ и дерзость глаз.
Я здесь одна. К стволу каштана
Прильнуть так сладко голове!
И в сердце плачет стих Ростана
Как там, в покинутой Москве.

Париж в ночи мне чужд и жалок,
Дороже сердцу прежний бред!
Иду домой, там грусть фиалок
И чей-то ласковый портрет.
Там чей-то взор печально-братский.
Там нежный профиль на стене.
Rostand и мученик Рейхштадтский
И Сара – все придут во сне!
В большом и радостном Париже
Мне снятся травы, облака,
И дальше смех, и тени ближе,
И боль как прежде глубока.

Июнь 1909, Париж

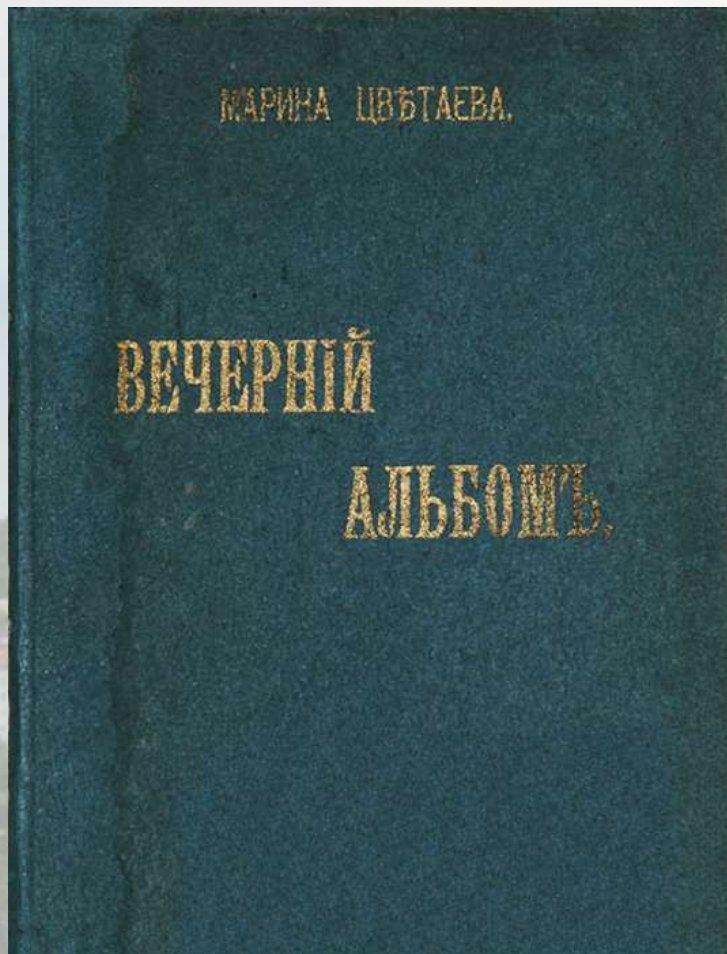
Н. В. Крандиевская. Бюст М. Цветаевой. 1915.
Раскрашенная гипсовая копия.

Осенью 1909 г. Цветаева посещала лекции и клубные собрания при издательстве московских символистов «Мусагет», через год – собрания кружка «Молодой Мусагет». Не менее существенное воздействие на Цветаеву-поэта оказали поэтический и художественный мир дома М. А. Волошина в Крыму (Цветаева часто гостила в Коктебеле). Первая изданная в 1910 году книга стихов – «Вечерний альбом» сразу привлекла внимание современников.

Поэт Павел Антокольский писал о своем впечатлении от нашей героини в то время так:
«Марина Цветаева – статная, широкоплечая женщина с широко расставленными серо-зелёными глазами. Её русые волосы коротко острижены, высокий лоб спрятан под чёлку. Тёмно-синее платье не модного, да и не старомодного, а самого что ни на есть простейшего покроя, напоминающего подрясник, туго стянуто в талии широким жёлтым ремнём. Через плечо перекинута жёлтая кожаная сумка вроде офицерской нолевой или охотничьего патронташа – и в этой не женской сумке уместятся и сотни две папирос, и клеёнчатая тетрадь со стихами. Куда бы ни шла эта женщина, она кажется странницей, путешественницей».

Цветаева М. И. Вечерний альбом : Стихи : Детство. – Любовь. – Только тени. / Марина Цветаева. – Москва : [б..и.], 1910 ; [в Тип. «Т-во тип. А. И. Мамонтова»], 1910. – 225, [1] с.

Встреча

Вечерний дым над городом возник,
Куда-то вдаль покорно шли вагоны,
Вдруг промелькнул, прозрачней анемоны,
В одном из окон полудетский лик.

На веках тень. Подобием короны
Лежали кудри... Я сдержала крик:
Мне стало ясно в этот краткий миг,
Что пробуждают мёртвых наши стоны.

С той девушкой у тёмного окна
– Виденьем рая в сутолке вокзальной
– Не раз встречалась я в долинах сна.

Но почему была она печальной?
Чего искал прозрачный силуэт?
Быть может ей – и в небе счастья нет?..

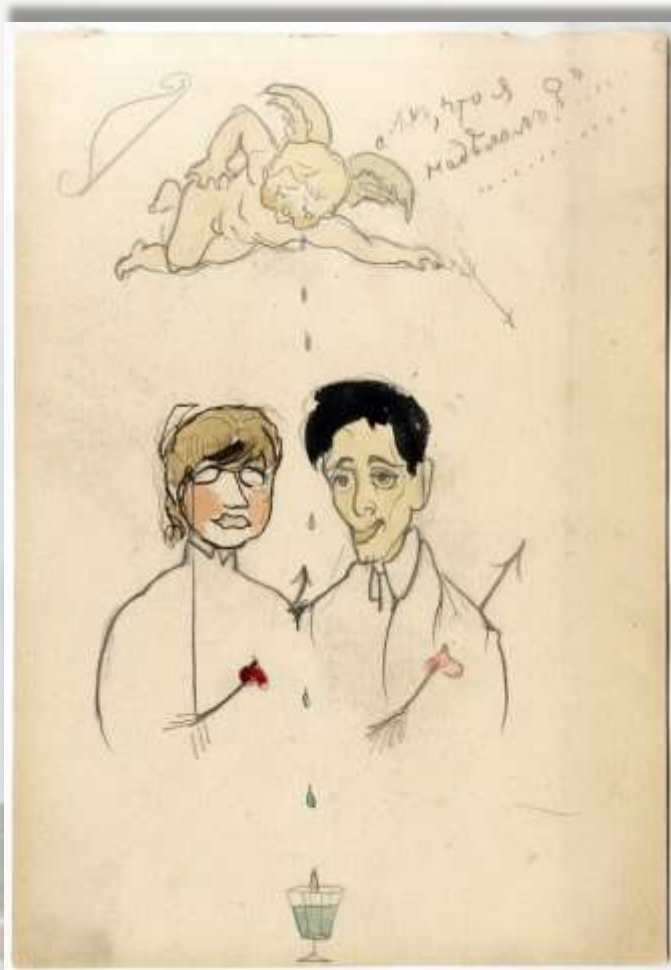

С будущим мужем Сергеем Эфроном Марина познакомилась в 1911 году в доме Максимилиана Волошина в Коктебеле.

В письме В. В. Розанову Цветаева писала о своём муже так:

«Он очень болезненный, 16-ти лет у него начался туберкулёз ... Если бы Вы знали, какой это пламенный, великодушный, глубокий юноша! Я постоянно дрожу над ним. От малейшего волнения у него повышается t° , он весь – лихорадочная жажда всего. Встретились мы с ним, когда ему было 17, мне 18 лет. За три – или почти три – года совместной жизни – ни одной тени сомнения друг в друге. Наш брак до того не похож на обычный брак, что я совсем не чувствую себя замужем ... Мы никогда не расстаёмся. Наша встреча – чудо ... Он – мой самый родной на всю жизнь. Я никогда бы не могла любить кого-нибудь другого, у меня слишком много тоски и протеста. Только при нём я могу жить так, как живу – совершенно свободная».

Н. В. Крандиевская. Шуточный портрет
М. И. Цветаевой и С. Я. Эфрона.
Бумага, акварель, графитный карандаш.
1911. РГАЛИ.

Я с вызовом ношу его кольцо
– Да, в Вечности – жена, не на бумаге. –
Его чрезмерно узкое лицо —
Подобно шпаге.

Безмолвен рот его, углами вниз,
Мучительно-великолепны брови.
В его лице трагически слились
Две древних крови.

Он тонок первой тонкостью ветвей.
Его глаза – прекрасно-бесполезны! –
Под крыльями распахнутых бровей –
Две бездны.

В его лице я рыцарству верна.
– Всем вам, кто жил и умирал без страха.
Такие – в роковые времена –
Слагают стансы – и идут на плаху.

Коктебель, 3 июня 1914

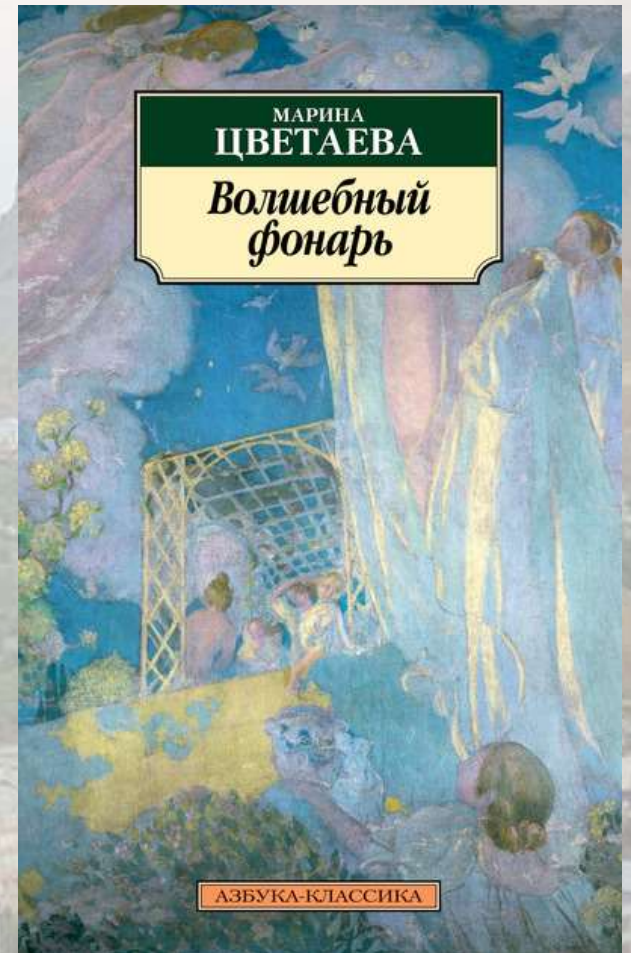
В 1912 году вышел второй сборник стихов Цветаевой – «Волшебный фонарь», в который вошло много детских стихов.

Курлык

Детство: молчание дома большого,
Страшной колдуньи оскаленный клык;
Детство: одно непонятное слово,
Милое слово «курлык».

Вдруг беспричинно в парадной столовой
Чопорной гостье покажешь язык
И задрожешь и заплачешь под слово,
Глупое слово «курлык».

Бедная Fräulein в накидке лиловой,
Шею до боли стянувший башлык, —
Все воскресает под милое слово,
Детское слово «курлык».

Цветаева М. Волшебный фонарь/ Марина Цветаева. - М.: Азбука-Классика, 2021. - 384 с.

В 1912 году родилась дочь Ариадна, а в 1917 году – Ирина.

Во время первой мировой, и после – в революцию семья как-то перебивалась, а когда в гражданскую войну Сергей Эфрон ушел служить в белогвардейской армии, Марине с детьми пришлось выживать одной.

Сильно заболела старшая дочка Ариадна, и Цветаева отдала детей в приют (под видом сирот) в подмосковном поселке Кунцево. Ариадна выздоровела, а Ирина заболела и умерла в возрасте трех лет.

Позднее, уже после воссоединения с мужем в Праге, поэтесса родила третьего ребенка – сына Георгия, которого в семье называли Мур.

П. Э.

Война, война! – Кажденья у киотов
И стрекот шпор.
Но нету дела мне до царских счетов,
Народных ссор.
На, кажется, – надтреснутом – канате
Я – маленький плясун.
Я тень от чьей-то тени. Я лунатик
Двух темных лун.

Москва, 16 июля 1914

Так как Эфрон был белогвардейцем – в 1920 году он эвакуировался в Галлиполи, а потом в Европу, и в 1922 году семья смогла последовать за ним. Они жили сначала в Чехии, а потом во Франции. Переезд во Францию не облегчил жизнь Цветаевой и ее семьи. В эмиграции Марина и ее семья жили чуть ли не в нищете. Сергей Эфрон не мог работать из-за болезни, Георгий был совсем крохотным, Ариадна пыталась помочь, продавая рукоделие, но фактически их доход составляли скудные гонорары за статьи и эссе, которые писала Марина.

«Никто не может вообразить бедности, в которой мы живём. Мой единственный доход – от того, что я пишу. Мой муж болен и не может работать. Моя дочь зарабатывает гроши, вышивая шляпки. У меня есть сын, ему восемь лет. Мы вчетвером живём на эти деньги. Другими словами, мы медленно умираем от голода».

Во время эмиграции завязался эпистолярный роман Цветаевой с Борисом Пастернаком.

«... В течении нескольких лет меня держало в постоянной счастливой приподнятости всё, что писала тогда твоя мама, звонкий, восхищающий резонанс её рвущегося вперёд, безоглядного одухотворения. Я для Вас писал «Девятьсот пятый год» и для мамы – «Лейтенанта Шмидта» Больше в жизни это уже никогда не повторялось...».

Из письма Б. Пастернака Ариадне Эфрон.

«Вы первый поэт, которого я – за жизнь – вижу. Вы первый поэт, в чей завтрашний день я верю, как в свой. Вы единственный, современником которого я могу себя назвать – и радостно! – во всеуслышание! – называю... И вот, Пастернак, я счастлива быть вашим современником».

Цветаева – Пастернаку.

Несмотря ни на что, Цветаева продолжала работать, вот как описывает этот период в воспоминаниях Ариадна:

«Отметя все дела, все неотложности, с раннего утра, на свежую голову, на пустой и поджарый живот.

Налив себе кружечку кипящего черного кофе, ставила ее на письменный стол, к которому каждый день своей жизни шла, как рабочий к станку – с тем же чувством ответственности, неизбежности, невозможности иначе...

Лбом упиралась в ладонь, пальцы запускала в волосы, сосредоточивалась мгновенно.

Глохла и слепла ко всему, что не рукопись, в которую буквально впивалась – острием мысли и пера...

Добиваясь точности, единства смысла и звучания, страницу за страницей исписывала столбцами рифм, десятками вариантов строф, обычно не вычеркивая те, что отвергала, а – подводя под ними черту, чтобы начать новые поиски...

Работе умела подчинять любые обстоятельства, настаиваю: любые».

Цветаева М. И. После России / Марина Цветаева. –
М.: Советский фонд культуры, 1990. – 160 с.

Эмигрант

Здесь, меж вами: домами, деньгами, дымами
Дамами, Думами,
Не слюбившись с вами, не сбившись с вами,
Неким –
Шуманом пронося под полой весну:
Выше! из виду!
Соловьиным тремоло на весу –
Некий – избранный.
Боязливейший, ибо взяв на дыб –
Ноги лижете!
Заблудившийся между грыж и глыб
Бог в блудилище.
Лишний! Вышний! Выходец! Вызов! Ввысь
Не отвыкший... Виселиц
Не принявший... В рвани валют и виз
Веги – выходец.

9 февраля 1923

Лучина

До Эйфелевой – рукою
Подать! Подавай и лезь.
Но каждый из нас – такое
Зрел, зрит, говорю, и днесь,
Что скушным и некрасивым
Нам кажется <ваш> Париж.
«Россия моя, Россия,
Зачем так ярко горишь?»

Июнь 1931

Несмотря на тоску по родине и лишения во Франции, желание мужа и дочери вернуться в СССР Марина Цветаева восприняла настороженно. Сергей Эфрон тогда проникся советскими идеями и даже начал сотрудничать с НКВД.

И все же было решено вернуться.

Аарон Билис. Портрет Марины Цветаевой.
Бумага, угольный карандаш. 1931. РГАЛИ.

Цветаева М. И. Избранное / Марина Ивановна Цветаева. – М.: Просвещение, 1989. – 368 с.

Чтоб дойти до уст и ложа –
Мимо страшной церкви Божьей
Мне идти.
Мимо свадебных карет,
Похоронных дрог.
Ангельский запрет положен
На его порог.
Так, в ночи ночей безлунных,
Мимо сторожей чугунных:
Зорких врат –
К двери светлой и певучей
Через ладанную тучу
Тороплюсь,
Как торопится от века
Мимо Бога – к человеку
Человек.

Вскоре после прибытия в СССР в 1939 году Ариадну и Сергея Эфрона арестовывают. Сергея расстреляют в 1941 году, а дочь проведет 15 лет в лагерях и будет реабилитирована.

В этот период Цветаева практически не писала стихов, занимаясь переводами. Федерико Гарсию Лорку мы до сих пор зачастую читаем в переводе Цветаевой.

Восьмого августа 1941 года Цветаева с сыном уехала на пароходе в эвакуацию; восемнадцатого прибыла вместе с несколькими писателями в городок Елабугу на Каме.

Чтобы получить временную прописку, поэтесса была вынуждена устроиться на работу посудомойкой. Ее заявление датировано 26 августа 1941 года, а 31-го Цветаева совершила самоубийство, повесившись в доме, куда их с Георгием определили на постой.

Цветаева М. И. Автобиографическая проза / Марина Цветаева. – М.: Советская Россия, 1991. – 352 с.

В издание вошла автобиографическая проза русской поэтессы и прозаика Марины Ивановны Цветаевой. В мемуарных записях, написанных большей частью в эмиграции, отражена целая жизнь. Памятные воспоминания о детских и юношеских годах, яркие, порой ироничные зарисовки запомнившихся событий воссоздают безвозвратно ушедшую эпоху с ее особым колоритом.

«Права суда над поэтом никому не даю. Потому что никто не знает. Только поэты знают, но они судить не будут. А священник отпустит. Единственный суд над поэтом – само-суд».

М. Цветаева

Марина Цветаева была похоронена 2 сентября 1941 года на Петропавловском кладбище в г. Елабуге. Точное расположение её могилы неизвестно.

На высоком берегу Оки, в её любимом городе Тарусе согласно воле Цветаевой установлен камень (тарусский доломит) с надписью: *«Здесь хотела бы лежать Марина Цветаева».*

Цветаева А. И. Воспоминания/ Анастасия Ивановна Цветаева. – М.: АСТ, 2012. – 928 с.

В своих «Воспоминаниях» Анастасия Цветаева с ностальгией и упоением рассказывает о детстве, юности и молодости.

Эта книга о матери, талантливой пианистке, и об отце, безоглядно преданном своему Музею, о московском детстве и годах проведенных в европейских пансионах (1902-1906), о юности в Тарусе и литературном обществе начала XX века в доме Волошина в Коктебеле; о Марине и Сергее Эфроне, о мужьях Борисе Трухачеве и Маврикии Минце, о детях – своих и Марининых, о тяжелых военных годах.

Последние две главы посвящены поездке в Сорренто к Горькому и поиске места, где похоронена сестра.

Эфрон А. С. Неизвестная Цветаева / Ариадна Сергеевна Эфрон. – М.: Алгоритм, 2012. – 304 с.

Судьба дочери Марины Цветаевой и Сергея Эфрона, Ариадны, талантливой художницы, литератора, полна драматизма. Эмиграция и жизнь почти впроголодь на чужбине, возвращение на желанную родину, и – Сибирь, тюрьма, лагерь, ссылка, откуда писала она письма Борису Пастернаку, давнему другу матери. Письма, полные души и ума, как отзывался о них поэт.

«Когда меня не будет, то в моем архиве найдут пачки твоих писем, и все решат, что только с тобой я и дружил» – писал ей Пастернак. Ариадна Эфрон оставила и необыкновенно интересное, блистательно написанное свидетельство о Марине Цветаевой – поэтессе, матери, жене, просто женщине, какой она была, со всеми ее слабостями, пристрастиями, талантом... Это свидетельство, незамутненное вымыслом, спустя долгие десятилетия, открывает нам подлинную Цветаеву.

Эфрон А. Вторая жизнь Марины Цветаевой. Письма к Анне Саакянц 1961-1975 годов / Ариадна Эфрон. – М.: АСТ, 2021. – 608 с.

Ариадна Эфрон, дочь поэта, целью своей жизни сделала возвращение творчества матери на родину. Она подарила Марине Цветаевой вторую жизнь – яркую и триумфальную.

Ценой каких усилий это стало возможно, читатель узнает из писем Ариадны Сергеевны Эфрон, адресованных Анне Александровне Саакянц (1932-2002), редактору первых цветаевских изданий, а впоследствии ведущему исследователю жизни и творчества поэта.

Письма интересны и талантливы. В них повествуется о М. Цветаевой, ее окружении, ее стихах и прозе и конечно, о времени - событиях литературных и бытовых, отраженных в зарисовках жизни большой страны в непростое, переломное время.

Памяти М. Ц.

Поговорить бы хоть теперь, Марина!
При жизни не пришлось. Теперь вас нет.
Но слышится мне голос лебединый,
Как вестник торжества и вестник бед.

При жизни не пришлось. Не я виною.
Литература – приглашенье в ад,
Куда я радостно входил, не скрою,
Откуда никому – путей назад.

Не я виной. Как много в мире боли.
Но ведь и вас я не виню ни в чем.
Все – по случайности, все – поневоле.
Как чудно жить. Как плохо мы живем.

Георгий Адамович

